

36. Татары и Черкесы в Турции (Два письма бывшего Турецкого паши)". – С. 48.
37. ВOA, А.МКТ.NZD., Dosya: 357, Gomlek: 42.
38. Крымский Конный Её Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Полк – Сан Франциско, 1978. – С. 23–24.

Туран Ахмет Незихи (Турция) ЧЕРТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА НАРОДА КРЫМА (XVII – XVIII вв.)

Английский историк Карр, предупреждая исследователя, погруженного в письменные источники, говорит: «Внимательно изучайте ваши источники, если вы ничего не можете понять, существуют две вероятности: либо изучаемые вами источники ни о чем не говорят, либо вы глухи. В этом случае проверьте ваш слух». Когда я работаю с источниками ханского периода, в особенности с *Кадыаскерскими дефтерами* или, по более точному определению, *Судебными реестрами Крымского ханства*², мне кажется, я что-то слышу. Сейчас я хочу поделиться с вами услышанным.

Они говорят: «Наша жизнь не так уж отличалась от вашей. Темп нашего повседневного быта не был так высок как у вас. Наше время определяла природа. Мы вставали с восходом солнца и приступали к делам: работе на винограднике, в саду, во дворе. Некоторые из нас занимались ремеслом, отправлялись на свои базары, крытые рынки-чаршы, открывали свои лавки-дукьяны и ждали клиентов. Мясники-касабы, хлебопеки-экмекчи и чёрекчи, горшечники-чёмлекчи, меховщики-кюркчи, изготовители национальных головных уборов – калпакчи, свечники-мумджи, чесальщики хлопка-халладжи, галантерейщики-аттары, шорники-сараджи, кузнецы-налбанды, портные-терзи, дубильщики-деббаги, башмачники-пабуджжи, изготовители топоров – балтаджи, ножей – бычакчи, оружейных прикладов – кундакчи, мануфактурщики-беззазы, лудильщики-калайджи, бакалейщики-баккалы, оружейники-тюфенкчи, люлечники-бешикчи... и многие другие красовались разнородным мастерством и продукцией всевозможных цветов и расцветок.

Мы любили поесть и попить. Поэтому наши продукты питания были очень разнообразны. К примеру, когда мы спускались к базару, наши глаза искали не только крымские сорта винограда, но и привезенные из Анатолии, которую мы называли «каршы» – «противоположная сторона». Поэтому наряду с виноградом сортов «кара», «резаки», «сиях», «сарыджа», «калем», «кырмазы», «чувал резакчи», «чеплюдже резакчи», «каба резакчи» мы ели виноград из Измира, Беглердже, Эдремита, сравнивали их вкусовые достоинства и, в зависимости от нашего вкуса, выносили решение. Хотя часть из них носила названия анатолийских сортов, они выращивались и собирались здесь. Но названия упоминались соответственно тем местам, откуда они происходили. То же самое было и с инжиром: прекрасные фрукты, которые мы определяли названиями «Лоб», «калем», «сарыджа», «табан», «Девлет Гази». Тот сорт, который мы называли «Девлет Гази», обладал сладостью и тонким вкусом, достойным славы этого нашего хана.

Крымский мед был очень популярен. В администрации ханского дворца был специальный пост Балдыбашы Ага – глава пасечников и торговцев медом. Исходя из этого, можете судить о том, как мы его потребляли – от мала до велика, от хана до подданного. Мы ели также мед, привезенный с «противоположной стороны», который был записан судьями – господами кадиями, регистрировавшими каждое наше дело, всякий конфликт между нами, любой вид товара, продававшегося в нашей стране и многое другое – как «Асели Руми» или «Анатолийский мед», но говорили: «Куда ему до нашего». Собственно говоря, привезенный оттуда мед стоил на базаре на 5–10 акче дешевле.

Само собой разумеется, мы до самозабвения любили мясо. Естественно, прежде всего, это была баранина, затем шло мясо крупного рогатого скота, говядина. Не следует забывать также их части, именуемые «сакатат» – сбой. Такие как нутряной жир, потроха, сердце, печень, голова. Продавалась и рыба, но она не очень то и пользовалась нашей благосклонностью. Хоть кадии и не записали, но у нас были и лошади, выращенные на убой. Угощение ими было признаком богатства. В наших историях повествуется о том, что наши ханы угощали своих уважаемых гостей мясом жеребенка. Хлеб, вес и цена которого были под строгим контролем, всегда был для нас основным продуктом питания. То, что вы сегодня называете «булка» или еще чаще «булочка», мы называли «чёрек». Имелось две его разновидности: «грубый» («каба чёрек») и «масляный» («яглы чёрек»). Вываривая до густоты сок винограда, груш, яблок, мы готовили бекмес и с удовольствием ели его и пили. Мы были в восторге и от бузы, о которой господин наш Гази Гирай Хан написал стих и которую в красках расписал Эвлия Челеби. Бузу «резаки», приготовленную из продукта, который вы сегодня по-русски называете «пшено», мог бы с удовольствием пить каждый. Кроме этого у нас была «максыма». Мы готовили ее из ячменя, пшеничной крупы, пшена: отварив, процеживали, добавляли в нее сахар или сахаросодержащие продукты и пили, охладив. О том, что приготовленную по нашему бузу называли «татарской», также сообщают истории. Одно время ее даже запретили, поскольку янычары, то ли для облегчения тягот походов, то ли по какой-то другой, пустяковой причине взяли себе в привычку добавлять в татарскую бузу опиум.

Еще одним нашим питьем был компот-хошаф. Мы сушили такие фрукты как груша, слива, рябина, кизил, затем варили и пили летом и зимой не пиво, а компот. Что сказать о наших заготовках на зиму?

² Материалы для этой статьи извлечены мною из микрофильмов 61-го тома ханских реестров, хранящихся в библиотеке им. И. Гаспринского в Симферополе. Поскольку общие сведения разбросаны в разных томах, я не снабжал их отдельными ссылками. Ссылки даются только по частным моментам. Я благодарен персоналу библиотеки, обеспечившему мне возможность спокойной работы. Для сведений об этом источнике можно обратиться к моей статье: Судебные реестры Крымского ханства (после их обнаружения) // Культура народов Причерноморья. – 2000. – №30. – С.90–93.

ЧЕРТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА НАРОДА КРЫМА (XVII – XVIII вв.)

Миндаль, горный фундук, трабзонский фундук, пастила разных видов, пастила в форме колбасок из виноградно-патоки с орешками – гюфтер, каабские финики и финики из Багдада, свежие и сушеные каштаны. Да-да, каштаны. Ваши бабушки и дедушки хорошо знают – это не конские каштаны. Это каштаны, которые мы ели зимой, сделав разрез посередине и обжарив на противне докрасна.

В отношении бобовых и зерновых наше положение было также неплохим. Пшеница, рожь с разновидностью «грубая» («каба»), разные сорта фасоли, которую мы называем «бакла»: «пестрая» («аладжа бакла»), «белая» («безз бакла»), «крупная» («буюк бакла») ... Разновидности гороха – «грубый» («каба»), «мелкий» («уфак») и, то ли привезенный из Синопа, то ли попросту носящий имя этого города, – синопский. Служившие украшением дворцовой кухни лучшие мировые сорта риса: крымский, филлипопольский и, кажется, привозимый из Дамьяты – египетский. Чечевица, суп из которой настолько вкусен, что им невозможно насытиться, и другие виды бобовых и злаковых. Не забудем и вкусовые добавки: лимонный сок, лимон, наряду с нашим, местным укусом – укус из Муданьи, укус обычный и «катар» или «кави», то есть его острые и кислые разновидности, соль мелкая и недробленая, оливковое масло и другие виды.

В нашем татарском краю жили разные народы. Грек-рум, армянин, иудей – каждый занимался своим делом и жил в своем квартале. Что я имел в виду, когда сказал «своим делом»? К примеру, греки занимались изготовлением и продажей зеркал, переводческой деятельностью, мореходством и судостроительством, обработкой мрамора, изготовлением и продажей котлов, ремеслом лудильщика, слесаря и другими такого рода работами. Иудеи были старьевщиками, продавцами меда, менялами, плотниками, работали в монетном дворе. Армяне занимались портняжничеством, распиловкой леса, пошивом папах, ремеслом сапожника, каменотеса, штукатурно-малярными работами, чисткой водосточных труб и прочим. Некоторыми ремеслами занималась лишь одна община, другими занимались представители любой общины, независимо от того, мусульмане это или нет. Господин кадий, производивший ревизию Бахчисарая в 1701 году, зафиксировал 13 свечных лавок [10, 6а/3-6б/1]. Все они содержались немусульманами. Имелось восемь лавок булочников – все их владельцы или арендаторы были мусульманами. Например, выпечка лепешек из пресного теста – чёреков, шелководство, мелочная торговля, ремесло чесальщика, изготовление максымы, посредничество были общими занятиями. Какие еще были ремесла, профессии? Валяльщики войлока – кечеджи, изготовлявшие изделия типа шатров-чадыров и ковров-килимов; мануфактурщики-беззэзы, перепродававшие различные ткани; шапочники-калпакчи, шившие папахи-калпакчи и надевавшие их на формы; горшечники-чёмлекчи, изготовлявшие разные кувшины (дести, ибрик) и кружки (машрапа); обувщики-хаффáфы, выделывавшие козы, воловы, коровьи шкуры, сафьян и шившие места (мягкую мужскую и женскую обувь), сапоги-чизме, переметные сумы – хейбе, мешки – чувалы и тёрба; ковалы-налбáнды, подковывавшие лошадей, волов; чесальщики-халлáджи, занимавшиеся шелком, чесаным хлопком, кожей, мехами...

В стороне Саладжика на дне Майрамского ущелья жила «Майрамская община». Образованные называли их «урумами»³. Они были очень похожи на греков-румов. Простолюдины говорили на них «дангалаки». Мы слышали, что это слово, означающее «безмозглый, неразумный», в их отношении использовали армяне. Вот и мы, переняв его, стали запросто употреблять, чтобы отличать их от других греков-румов. Не было ли это намеком на то, что, разговаривая по-тюркски, они были похожими на нас, а по религии были православными христианами? Было еще две общины, которые, так же как и они разговаривали по-тюркски, но исповедовали иудаизм [2]. Когда после завершения строительства Бахчисарая ханский престол был перенесен туда, они остались в Чуфут-кале и все свое свободное от профессиональных занятий время проводили там. Из них караимы верили только в Тору; раввинскую литературу они считали привнесенным нововведением. В отличие от них, крымчаки считали веру в вавилонский и иерусалимский Талмуд такими же столпами вероубеждения, как и веру в Тору⁴.

Чего только не происходит там, где живут люди? Будь то друзья, супруги, местные или чужаки – между нами также имели место вражда, обиды, разводы, ссоры, драки и даже вещи похуже. Был 1610 год. Давуд из Депечокрака развелся со своей женой Айпак Хатун, но не выплатил полагающихся ей алиментов-нафакá. Ее алименты состояли из одного пленника, установленного при женитьбе в качестве калыма (мехр-и муэдждель) и восьмидесяти флори, установленных в качестве суммы, выплачиваемой по шариату бывшей супруге в случае смерти мужа или при разводе (мехр-и муадждаль). Давуд был состоятельным человеком, занимавшимся *записью соли*. Он признавал принятые на себя в брачном контракте обязательства, но утверждал, что Айпак Хатун эти восемьдесят флори мехр-и муадждалья ему подарила. Свидетели дали показания в пользу Давуда. Он, в свою очередь, согласился передать в качестве алиментов на срок-иддет, в течение которого разведенная женщина по Шариату не имела право на вступление в новый брак, одного валашского пленника и два флори, каковые и передал своей прежней супруге в суде [7, 76а/2].

Приведем один пример из 1612 года. Майдаш сын Кагана из села Теберти сильно избил и поранил свою жену Айше дочь Мустафы Беше. Не спешите восклицать что-то в роде «Кошмар!». Бедная женщина в таком состоянии отправилась к кадию и пожаловалась на мужа. Доводящийся ей супругом Майдаш целиком признал свою вину и сказал, что согласен на полагающееся ему наказание. Айше Апай на сей раз его простила. Но попросила кадия, чтобы в случае, если муж еще раз ее изобьет, его наказали, не требуя

³ Относительно урумов см.: Гаркавец О. Уруми Надазов'я. – Алма-Ата: Украинский культурный центр, 1999.

⁴ Относительно крымчаков см.: Реби Д.И., Ломброзо В.М. Крымчаки. – Симферополь: Симферопольская городская типография, 2001.

свидетелей. Майдаш опустил голову, из уст его прозвучали слова: «Согласен, если еще раз так поступлю, наказывайте меня, не требуя свидетелей» [7, 22а/5].

Были и такие, которые опрометчиво ругали друг друга. В 1652 году Шабан сын Реджеба тяжело оскорбил Яни сына Эврахима, обругал его «мужем проститутки», «человеком, жена которого прелюбодействует с посторонними». Яни очень глубоко ранили эти слова, он пошел прямо к кадию и потребовал наказать Шабана. Перечислил все услышанные в свой адрес оскорбления. Шабан с упорством все отрицал. Кадий, поняв по состоянию Яни, что он говорит правду, примирил обе стороны [8, 51а/3].

В Кезлэве или Гёзлэве, который сейчас называется Евпатория, Ханифе Апай дочь Абдуллаха бросила камень в Гюлляби Деде Акая сына Кыр-Ахмеда – то ли из-за того, что тот криво посмотрел на нее, то ли по какой-то другой причине. Камень, попавший в глаз, едва не лишил того зрения. Он со всех ног бросился к кадию, пожаловался, попросил милостыни. Но свидетелей происшествия не было. Судья не нашел ничего другого, кроме как запротоколировать происшествие, приведя обе стороны к клятве. Это был 1653 год [8, 3а/2].

В те времена не было понятия «мирное сосуществование». Люди разных религий, говорившие на разных языках, принадлежащие к разным общинам жили в одной стране. Каждая группа жила в своем квартале и не очень смешивалась с другими. В общественной жизни были установлены правила, определяющие то, насколько можно смешиваться. Когда стало известно, что греки-румы, евреи и персы-аджемы ходят по селам и занимаются торговыми сделками с запрещенными им шариатом женщинами, хан издал ярлык с приказом немедленно прекратить это. В случае если такие люди будут ходить по селам, их имущество должно было конфисковаться и передаваться в казну [9, 87б/1]. Был тот же год. Было повелено, чтобы «племя неверных носило приметы», то есть имело на своей одежде специальные знаки, указывающие на то, что они не мусульмане. Кадии должны были разослать по городам глашатаев с этим уведомлением и наказывать тех, кто ему не подчиняется [10, 6а/2]. Увеличение ограничений было обратно пропорционально мощи государства. По мере ослабления, на передний план выходило мнение: «все это происходит из-за гяуров». Хотя живущие хорошо помнят, что они долгое время жили дружно. Естественно, так было в такой мусульманской стране как Крым. Россия и различные государства Европы не имели опыта совместного проживания христиан и мусульман⁵.

Когда беспокойство возрастало, люди, собравшись вместе, стремились развеять грустные мысли, пили напитки, не застаивающиеся в стаканах, еще больше говорили все что придет в голову, устраивали перебранки. Местами их собраний были кабаки-мейхане и питейные дома, где продавалась буза – бозахане. Был именно тот год, когда были осуждены неверные, ходившие по селам, а от тех из них, кто жил в городах потребовали ношения знаков. Пошли разговоры о том, что в этого рода местах распиваются разные напитки, творится много плохих дел. Его величество хан, опираясь также на фетву, выданную господином муфтием, дал повеление о разрушении мейхане, бозахане и подобных им мест. Ханский чиновник *болук баши кулу* вместе со своими людьми должен был превратить эти места в развалины [9, 79а/1].

События, о которых шла речь выше, протоколировались господами кадиями, которые знали почти все наши тайны. Это были образованные, воспитанные люди. Они учились в Крыму, большей частью в разных медресе города Бахчисарая. Затем, для завершения обучения, отправлялись в Стамбул. Завершить образование в медресе Сахн-ы Семан, построенном Фатихом, или в Сулеймание было то же самое, что сегодня получить юридическое образование в Гарварде. Этим гордились, хвалились тем, что получили аттестат у, не знаю какого, профессора-мудерриса. Они вели достаточно запутанные дела. Разбор тяжб, установка цен на базарах, ревизия благотворительных фондов – вакуфов и контроль над ними, надзор над общественными зданиями и дорогами, обеспечение городов провизией, осуществление контроля над различными счетами – все это возлагалось на них. В каждой судебной округе – каза был один кадий. Их значение, продвижение по службе, проверку их дел и увольнение контролировал Кадыаскер Эфенди, служивший в ханском диване [1, с. 184–185]. Большой частью это были выходцы из ученого сословия. Так, кадий Бахчисарая в 1674–1675 годах Мустафа Эфенди был сыном кадыаскера эль-Хадж Мехмед Эфенди. Отцом последнего был муфтий Абдурахман Эфенди, а его отцом – кадыаскер Давуд Эфенди⁶.

Во многих местах Крыма были школы-мектебы и медресе [6, с. 755]. Самыми прославленными из них были расположенные в непосредственных османских владениях, в особенности в Кафе [13, с. 281, 419–420]. Известны наши ученые, носящие имя «Кефевы» [3]. Но не следует принижать и значение ученых нашей страны, являющихся османскими подданными. Так, достаточно посмотреть лишь то, что пишет Эвлия Челеби об ученых Карасу – это объяснит многое [9, с. 246]. Однажды, – это был декабрь 1753 года, – в этом городе, расположенном на торговом пути, соединяющем север с югом, в медресе Хаджи Яхья был обнаружен раненный человек. Его звали Шерифуллах Челеби сын Иваза Эфенди. Вскоре его бахчисарайские родственники начали тяжбу с представителями мечети. Потребовали откупа за кровь Шерифуллаха Челеби. После него остались его мать, беременная жена и маленький сын. В результате вмешательства авторитетных людей, основатель вакуфа и бывший на тот момент смотрителем медресе Хаджи Яхья Ага согласились выплатить им две тысячи крымских гурушей, то есть двести пятьдесят акче, но не в качестве откупа за кровь, а в виде дара. Эта сумма была вручена наследникам умершего. Естественно, согласно канонам шариата, раздел производился исходя из предположения, что находящийся в утробе матери ребенок является мальчиком. Но после родов оказалось, что это девочка. Дар был поделен повторно. Четыреста три гуруша матери, триста два гуруша и двадцать пять крымских акче жене, тысяча сто сорок один гуруш

⁵ По этой теме см.: Lewis, B. The muslim discovery of Europe. – New York and London, 1982.

⁶ По этому поводу в текущем (2003) году будет опубликована моя статья «Заметки о судебных реестрах Крымского ханства» («Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri Hakkında Notlar»).

ЧЕРТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА НАРОДА КРЫМА (XVII – XVIII вв.)

восемьдесят два акче сыну Ахмеду и составляющие половину этой суммы пятьсот семьдесят гурушей девяносто один акче достались новорожденной дочери покойного. Оставшаяся сумма была удержана на оплату судебных издержек [11, 29b/1].

Коли уж речь зашла о Карасу, следует сказать, что здесь было много купцов-евреев, торговавших со Стамбулом. То ли в деле были замешаны деньги, возможно большие деньги, – между этими людьми возникали раздоры. Если хотите, давайте рассмотрим такую вот тяжбу: Был тот самый год, в котором произошли события в медресе Хаджи Яхья. Некий Моше из евреев Карасу привел в суд еврея Шимшона из того же города и стал утверждать о нем следующее: «Когда четыре месяца назад я собрался поехать в Исламбол, я доверил ему для посылки мне вослед шестнадцать настоящих красных горностаев стоимостью двести сорок румийских (османских) гурушей, шесть белых шкурок стоимостью сто четырнадцать румийских гурушей, четырнадцать шкурок животного, именуемого алакарын(?), стоимостью пятьдесят шесть гурушей и девяносто пять гурушей монетами номиналом по пять акче. Из-за того, что Шимшон отправил все это своему компаньону – еврею по имени Маркадо, живущему в Исламболе, я понес большие убытки. Я требую положенного воздаяния». Когда спросили Шимшона, он ответил так: «То что Моше передал мне все это – правда. Но передал он мне все это для отправки еврею Маркадо. Я и отправил на корабле Хаджи Феттах. Когда посылка прибыла, он сам у него ее забрал». Поскольку Моше откался признать, что дал такой приказ, от Шимшона потребовали доказательств. После свидетельства жителя Карасу евреев Эврахима сына Мортакая и Сехаки сына Несима Кетхуда, было принято решение отпустить Шимшона, а утверждение Моше признать недействительным [11, 29a/1].

Давайте вновь вернемся к крымским медресе. Я хочу рассказать вам об одном приятном событии из их жизни. Самое большое медресе в Крыму было построено около середины XV столетия Менгли Гирай ханом в пригороде Бахчисарая Салачике. Официальным названием института, который среди народа из-за цепи на двери назывался «Зинджирли медресе», было «Медресе Менгли Гирай хана». Оно было названо так по имени правителя, который одновременно организовывал вакуф этого медресе и утвердил его устав. Студенты питались в вакуфной кухне и, согласно уставу, участвовали в ее работе. Был 1612 год. Появилось недовольство вечерней трапезой в месяце рамадан, приготовленной поваром Ильясом и тот уволился с работы. Не нашлось никого, кто согласился бы работать за четыре акче в день. В конце концов, был заключен договор с Касым Деде сыном Абдуллаха о работе за восемь акче. Собственно говоря, человека, согласного на меньшую оплату и не нашлось. В процессе пробы студенты сказали, что они довольны услугами и пищей нового повара. В результате этого, с одобрения управляющего вакуфным имуществом – мутевелли, секретаря вакуфа и студентов, Касым Деде был назначен поваром с назначением ему дополнительно один раз в день еды и хлеба [7, 11b/2].

Та же комиссия избрала одного помощника повара. Было признано предпочтительным, чтобы им был студент. К обязанностям, с условием помощи повару во всех делах кроме толчения пшеницы и получения за работу в день одного гуруша, одноразового питания и хлеба, приступил Али сын Ягмура, получивший образование в медресе и наверняка знавший толк во вкусовых качествах пищи. Вся эта процедура была запроотоколирована кадием Бахчисарая и ханским кадыскером в присутствии авторитетных лиц во главе с Деде Эфенди, кадием относящегося к Салачику Кырк-Ера [7, 11b/3].

Эвлия Челеби говорит не только о медресе, в определенном смысле – об официальном образовании, но и, пространно, о текке – обителях дервишей. Например, в то время как Ее величество Екатерина, со своим странным проектом Византийской империи, придала делу вид театрального представления, а Россия была чрезвычайно увлечена этой иллюзией, в этом нашем Акмесджиде, именуемом Симферополем, были дервиши ордена Хальветие [12, с. 384]. Не уверен, но когда Эвлия Челеби изображал их в карикатурном виде, говоря, что они «бреют усы для того, чтобы буза, испачкав их, не сделала нежелательными по шариату (мекрух)», может быть, отчасти, его целью было показать пристрастие татар к бузе [5, с. 243]? Необходимо лишь сказать, что мечети и текке отличались задушевной простотой. Это показывают «Мевлиды» и «Мухаммедие», которые в них читались. Не следует забывать, что наряду с мектебами и медресе мечети также были формально-информационными образовательными институтами. Обучение детей квартала азбуке вообще считалось задачей персонала мечети. Наряду с этим, профессора-мудеррисы, преподаватели-ходжи и шейхи мечетей давали уроки общине, посещающей мечеть. Одним из произведений, вызывавших наибольший интерес, наиболее читаемых и, более точно выражаясь, выслушиваемых с вниманием и почтительностью, было «Мухаммедие». Подобно «Мевлиду» Сулеймана Челеби, книга Языджи-заде занимала почетное место среди ориентированной на народ литературы духовного воспитания, нравственности и аскетизма [4]. Организовывать чтение «Мухаммедие», точно так же как организовывать чтение «Мевлида», считалось религиозной обязанностью. В «Мечети татарского хана» – большом храме, построенном около середины XVI века архитектором Синаном и называемом в честь заказчика строительства «Мечетью Девлет Гирай хана» или сокращенно «Джами-и Кебир» («Большая мечеть»), один из жителей города организовал вакуф для чтения «Мухаммедие». Хаджи Юсуф жил в квартале Мола Али и занимался кожевенным производством. В своем завещании он распорядился продать двести девяносто сырых шкур и потратить полученную сумму на выполнение этой обязанности. По смерти Хаджи Юсуфа шкуры были переданы распорядителю доходов мечети – мутевелли Махмуду. Через какое-то время сын Хаджи Юсуфа, которого также звали Махмуд, отправился в суд, утверждая, что мутевелли Махмуд, продав все шкуры, не сдал в вакуф полученную прибыль полностью. Мутевелли Махмуд утверждал, что он продал шкуры по 40 османи на общую сумму 145 гурушей, но 45 гурушей у него забрали, ссылаясь на завещание, и таким образом у него осталось сто гурушей. По вопросу исполнения завещания решение мог вынести только кадий. Поэтому разъяснение мутевелли было признано неприемлемым и было принято решение,

взыскав эти 45 гурушей в соответствии с их достоинством на тот день, возратить вакуфу. Сын Махмуд, в точном соответствии выполнив пожелание своего упокоенного отца и инициировав регистрацию решения в июне 1612 года, обеспечил расходование выделенной суммы на чтение «Мухаммедие» [7, 4б/5].

Крымская история, полная неизвестностей, связанных с колоритом повседневного быта, благодаря записям, которые могут быть доведены до вас, ждет своего освещения.

Источники и литература

1. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.
2. Ялпачик Г. Д. Русско-караимский разговорник. – Симферополь: Таврия, 1993.
3. Bursalı, M.T. Kırım Müellifleri. – İstanbul, 1916.
4. Çelebioğlu, A. Yazıcı-oğlu // İslam Ansiklopedisi. – 13.c. – İstanbul: MEB, 1984. – S.741-756.
5. Evliya Çelebi. Evliya Çelebi Seyahatnamesi / Haz. Dağlı Y., Kahraman A.A., Dankoff R. – 7. Kitap. – İstanbul: YKY, 2003.
6. İnalçık, H. Kırım // İslam Ansiklopedisi. – VI c. – İstanbul: MEB, 1977. – S.741-756.
7. Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri (далее – KS), 1.
8. KS, 4.
9. KS, 33.
10. KS, 36.
11. KS, Yalta.⁷
12. Ortaylı, İ. 18. Yüzyıl Türk-Rus İlişkileri // Osmanlı İmparatorluğu'nda İktisadî ve Sosyal Değişim: Makaleler 1.
13. Öztürk, Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe. 1475-1600. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2000.

ŞANAL Mustafa (Турция)

A GENERAL LOOK AT THE MADRASAS IN OTTOMAN EMPIRE IN TERMS OF TEACHING METHODS, ASSESSMENT, EVALUATING AND EXPERTISING IN TEACHING

Madrassa is the name given to the buildings which are assigned for teaching activities and which provide necessary equipment for teaching activities. We are not sure as to when and where the first madrasa was built in the History of Islam Education. (Sanal, 1999:123) We, however, know that the first madrasas were seen in the 9th Century A.D in Horasan and Turkhistan. Researches made so far show that madrasas in the Moslem countries were founded at different times and under different circumstances (Taşdemirci, 1989:269; Sanal, 2002:78).

In this study, we have tried to analyse Ottoman madrasas in terms of teaching methods, assessment and evaluating, and expertising in teaching; therefore, we have determined three subject headings. The subjects headings are as follows:

- a-The Teaching Methods in Madrasas
- b-The Applications of Assessment and Evaluating in Madrasas' Teaching Activities
- c-Expertising in Teaching

A-The Teaching Methods in Madrasas

The teaching method applied in Ottoman madrasas was deductive. This method was based on dogmas and authorities. At first, this deductive method required memorization, in the first instance the students were to memorize Koran and as many hadiths as possible (Taşdemirci, 1984:64; Unat, 1864:8) Later dictation method was developed. This method required students to sit around the teacher in circles and take notes (Zengin, 1993:71). This method was applied in almost all courses except Koran courses, in the course time another method, which was developed in addition to dictation method, was commentary and explanation method. After the number of the copies of the books taught at the madrasas had increased, the dictation method was abandoned gradually. Instead of taking notes, one of the students would read the book aloud and the teacher would comment on the text. Teachers, also, dictated their comments to the students. Madrasa teachers sometimes had the students discuss on a topic taught, and they also refereed between discussion groups and gave their judgements (Uzunçarşılı, 1988:57) The students of the madrasas taught people in the masjids and mosques near the madrasa (Baltacı, 1976:45) or during holiday they visited various parts of the country and taught people whereby they conducted a kind of probation (Akyüz, 1994:66).

Question-answer method was also applied in the madrasas. Either the teacher asked questions to the students or the students asked the teacher. During the classes the students were allowed to talk and teachers made the necessary explanations. On certain days meetings open to people were held, too. Although the classes were held at the madrasa's own buildings, classes in mosques were held and everybody was allowed to attend those classes. The famous teachers called "ders-i amn" (professor) gave lessons titled "mosque classes" to common people in the large mosques of the towns and villages. The congregation sat around the teacher and listened to what he had to say. There were regular audience attending those classes. Since those classes were held after the afternoon prayer they were called "afternoon prayer classes". The methods applied in those classes were explanation and question-

⁷ Этот «Реестр Карасу» (1 том) хранится в Ялтинском историко-литературном музее. Шифр не указан.